

Сидоров А.В.

Принцип научности в марксистской историографии 1920-х годов

Богатые научные традиции, накопленные российской историографией в дореволюционный период, проявились в творчестве российских историков уже в самом начале 1920-х годов. Историографические исследования этого времени характеризовались многоуровневостью подходов, обращением к узловым методологическим проблемам исторического познания, учетом достижений зарубежных исследователей. Вместе с тем, внимание историографов привлекали и проблемы и трудности, стоявшие перед исторической наукой. Критически оценивая уровень, достигнутый исторической наукой, авторы историографических исследований указывали на преобладание фактографического материала над теоретико-концептуальными обобщениями. В условиях, когда массовое активное включение в научный оборот нового громадного источникового материала фактически вело к крушению старых схем и не могло быть оперативно осмысленно в виде обобщающих новых концептуальных построений, ряд исследователей ставили вопрос о кризисе науки. Ощущалась насущная потребность в обобщающих теоретических разработках. Констатация этого факта нашла отражение в целом ряде историографических работ. Но путь, предлагаемый традиционной наукой тех лет, – через постепенное осмысление фактического материала к обобщениям все более высокого порядка – был трудно реализуем в практической деятельности ученых.

Иной подход к решению научных проблем предложили сторонники марксистского направления. В отличие от традиционных подходов, связанных с преобладанием индуктивного метода познания, в марксистском понимании приоритет получил дедуктивный метод. Уверенность в истинности открытых основоположниками марксизма учения о закономерностях общественного развития вела к убеждению, что правильное преломление этих закономерностей в конкретной сфере неизбежно приведет к единственно верному научному результату.

1920-е годы стали периодом становления марксистской историографической мысли в России. Усиление внимания историков-марксистов к вопросам историографии, обусловленное практическими потребностями широкого распространения марксистских знаний и ускоренной подготовки научных исторических кадров,

позволило выработать теоретико-методологические принципы исследования и сконструировать новую концепцию развития отечественной исторической науки¹.

Марксистское понимание места исторической науки в системе общественного сознания, обусловленного уровнем развития и системой взаимодействия производительных сил и производственных отношений, опиралось на разработанные в тот период основные принципы историографических оценок. Рассмотрение развития научной мысли как процесса постепенного утверждения марксизма, признаваемого вершиной научной мысли человечества, позволило историкам-марксистам сконструировать концепцию развития исторической мысли. Основные этапы этого развития определялись на основе формационно-классового подхода, определившего механизмы взаимосвязи эволюции научных концепций и представлений с позицией основных классов и социальных слоев общества. Вместе с тем социологическая доминанта в изучении историографического процесса снижала внимание исследователей к имманентному научному развитию. В результате подобного подхода на второй или даже третий план среди историографических проблем отодвигались вопросы расширения источниковой базы исследований, механизма и закономерностей расширения исторических знаний, развития научных методов исторического познания и ряд других. Социологическая схема концентрировала внимание исследователей на влиянии внешних для науки факторов.

Еще в последние десятилетия XX века при перечислении принципов исторического исследования в их число в обязательном порядке включался принцип научности или принцип объективности, рассматриваемые зачастую тождественными. Выбор наименования этого принципа во многом зависел от стилистических особенностей историка. Иногда использовались оба термина, один из которых упоминался в скобках. Как бы то ни было, но принцип научности (объективности) занимал такое же прочное место в трудах по методологии марксистского исследования как и принцип партийности (классовости).

В 20-е годы представления о соотношении понятий «научности» и «объективности» было несколько иными. Если в трудах М.Н.Покровского «научность»

¹ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; Брачев В.С. Служители исторической науки. СПб., 2010; Историки России. Биографии. М., 2001; Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара, 2004; Портреты историков: Время и судьбы. Т.1. М.; Иерусалим, 2000; Сидорова Л.А. «Руководящая цитата» в советской исторической науке середины XX в. // История и историки. 2006. Историографический вестник. М., 2007. С. 135–171; Смирнова М.И., Дмитриева И.А. Социокультурные истоки сталинизма: историографический дискурс // Историография сталинизма. Сб. ст. М., 2007. С. 7–28 и др.

получает постоянную прописку, то с «объективностью» дело обстоит несколько иначе. Последнее понятие оказывается неразрывно связано в его рассуждениях с представителями объективистских направлений в исторической науке, работа которых не заслуживают одобрения. «Так называемые объективные историки, которые всячески отгораживаются от высказывания своих взглядов, невольно повторяют чужие взгляды; нельзя одной памятью брать факты: их надо объяснять»².

Как понимали объективность марксистские историографы середины 20-х годов видно из обстоятельного исследования С.Д.Куниского, посвященного историческому творчеству Ж.Жореса³. Эта объемная историографическая работа поистине может служить одним из образцов марксистского историографического анализа середины 20-х годов. С.Д.Куниский последовательно анализирует философские основы и историческое мировоззрение Жореса (естественно, под углом его соответствия марксизму), определяется влияние политических взглядов Жореса на решение исследовательских проблем, стилистические особенности его творчества, выделяется специфика разрешения французским исследователем конкретных исторических проблем и характеристик политических деятелей исследуемой эпохи. В процессе освещения взглядов Жореса, начиная с его мировоззренческих проблем и кончая конкретными оценками тех или иных событий и личностей, С.Д.Куниский не только дает обширную и разностороннюю характеристику Жоресу как историку, но и позволяет проанализировать основные особенности марксистских историографических установок в их конкретном применении к оценке творчества Жореса.

Одной из ведущих методологических проблем историографии 1920-х годов было понимание объективности в исторических исследованиях. Признание классовости исторической науки противопоставлялось всяким попыткам провозгласить или занять внеклассовую, объективную позицию. Но декларация полного отказа от объективности в определенной степени могла восприниматься как отказ от научного подхода, традиционно связываемого учеными с объективным характером исследований. С.Д.Куниский на примере историографического анализа творчества Жореса отстаивает ту точку зрения, что «здесь нужно отличать его объективность, вытекающую из правильной, исторической и классовой позиции, от объективности, как некоего свойства его исторического метода. Нужно отличать объективность от «объективизма»,

² Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. I. С. 75.

³ Куниский С.Д. Жорес-историк.// Историк-марксист. 1926. Т.2. С.140-158; 1927. Т.3. С.117-151; Т.4. С. 101-124.

если можно так выразиться»⁴. Иначе говоря, марксистские историографы отрицали объективность как характеристику научного метода исследования. В этом случае говорилось об «объективизме» с определением по классовому признаку – буржуазный.

Но, делая уступку традиционным представлениям о научности, допускали объективность как характеристику, имманентно присущую «правильной, исторической и классовой позиции». «Если выводы Жореса и его оценка Французской Революции в общем верны,- пишет С.Д.Куниский,- то в этом отнюдь не следует усматривать результата его объективности; это является следствием того, что он пишет историю Революции с точки зрения пролетариата, т.е. того единственного класса, который только и может установить правильное ее понимание»⁵. Тем самым, пролетарская классовость автоматически обеспечивала объективность научного исследования. «Существует высшая объективность,- подчеркивает в своих выводах С.Д.Куниский,- это – объективность историка пролетариата, идеал которого с железной необходимостью создается внутренней логикой исторического процесса»⁶. На неразрывную связь в марксистском понимании научности и классовости указывали многие историки-марксисты. Например, И.Минц специально разъяснял соотношение этих понятий, указывая, что «объяснять же научно, т.е. исходя из классовой точки зрения»⁷.

В «объективизме» как свойстве исторического метода исследования марксистских историографов не устраивала в первую очередь взаимосвязь объективности и беспристрастности⁸. «Я являюсь решительным противником той точки зрения,- отмечает С.Д.Куниский,- которая причисляет Жореса к числу наиболее объективных и беспристрастных историков... Я полагаю, что Жореса следовало бы оградить от таких опасных комплиментов, тем более, что они не соответствуют действительности»⁹. Поэтому совершенно логичным выглядит утверждение автора статьи о Жоресе, что «Жорес в высшей степени субъективен», хотя и «субъективен в лучшем смысле этого слова...: в его жилах течет огненный поток революционного пафоса»¹⁰.

Вместе с тем, естественно, возникает вопрос о границах допустимого субъективизма с точки зрения науки, за пределами которых научное исследование

⁴ Историк-марксист. 1926. Т.2. С.145.

⁵ Там же. С.146.

⁶ Историк-марксист. 1927. Т.4. С.124.

⁷ Минц. И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т.9. С.90, а также: С.95.

⁸ Историк-марксист. 1927. Т.4. С.124.

⁹ Там же. 1926. Т.2. С.145.

¹⁰ Там же. С.146.

превращается в публицистическое. Этот вопрос не мог не встать перед С.Д.Куниским в его исследовании о историческом труде Жореса. «Но когда этот субъективизм,- писал он,- проникает во все поры исторического исследования, когда научный анализ заменяется констатированием ошибок, совершенных теми или другими фракциями, партиями или отдельными революционерами, когда вместо историка перед нами выступает обвинитель или, наоборот, апологет – тогда мы в праве сказать, что рассмотрение динамики социальных сил подменяется исторической публицистикой»¹¹.

Несмотря на очевидность опасности подмены научности публицистичностью, тем не менее «политическая пристрастность Жореса» выделяется в качестве одной из положительных характеристик исторического труда французского историка, поскольку классовая направленность его политических пристрастий не вызывала сомнений. Наоборот, «буржуазная беспристрастность» заслуживала у марксистского историографа 1920-х годов полного осуждения. «Мнимое историческое безразличие буржуазных историков, – формулирует свою мысль С.Д.Куниский,- за которым на самом деле скрывается апология капиталистического строя со всеми его отношениями и надстройками, заменяется у Жореса живой и страстной проповедью необходимости новых общественных форм и стремлением доказать на изучаемом материале неизбежность установления социалистического строя»¹².

Негативное отношение марксистов 20-х годов к стремлению историков к объективности в исторических исследованиях объясняется сложностью увязки понятия объективности с классовым подходом в исторических исследованиях. Классовая позиция историка, выполнение им определенного социального заказа превращают проблему объективности в историческом исследовании лишь в орудие идеологической борьбы. Разъясняя молодым историкам эту проблему, М.Н.Покровский отмечал: «Писал Карамзин Александру по его заказу, ему и нужно прочесть. Мы пишем для нашей коммунистической публики и ей читаем, а он поехал царю читать»¹³. Исходя из этого, объяснимой становится и позиция М.Н.Покровского, считавшего, что в работах буржуазных историков «объективность чисто публицистический прием»¹⁴.

Подобные взгляды были широко распространены в марксистской историографии 1920–1930-х годов. Но вместе с тем в 1920-е годы работы немарксистских авторов еще не получили однозначно-негативной оценки, которая связывалась в дальнейшем с

¹¹ Там же.

¹² Историк-марксист . 1926. Т.2. С.С.150.

¹³ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. I. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 11.

«буржуазным объективизмом». Но и в этот период оценка значимости работы базировалась прежде всего на близости к марксистским взглядам. С.М.Моносов в обзоре литературы по истории Великой французской революции, опубликованной в 1925 году, анализирует работу французского историка А.Олара «Христианство и французская революция», не раз отмечая ее автора как «добросовестного исследователя, образец буржуазно-либерального беспристрастия»¹⁵. Добросовестность исследователя, по мнению С.М.Моносова, проявилась в том, что «либерализм и нарочитая беспартийность, которую Олар столь старательно подчеркивает, не помешали ему выяснить связь религиозных движений с контрреволюцией, а интересов духовных с интересами материальными, классовыми – и это делает книгу профессора Олара особенно интересной и полезной для нас»¹⁶.

Таким образом, разрыв между понятиями «научности» и «объективности» в сознании марксистов-историков 20-х годов, как и их негативное отношение к «объективности» создавали благоприятные условия для субъективистской эволюции исторической науки в 30-е годы.

Вместе с тем необходимо отметить, что существовавшая в 20-е годы в СССР наряду с марксистской немарксистская историческая традиция давала иную трактовку понятиям «объективности» и «научности». В этой связи представляют интерес подготовленные Институтом Истории сборники статей, посвященные памяти А.Н.Савина. Их авторы сохраняли прежние, «устарелые» с точки зрения марксистов представления о этих основополагающих понятиях. В статье «Памяти А.Н.Савина» Д.М.Петрушевский писал: «А.Н. был представителем чистой науки, не ставивший себе никакой прикладной цели. Вся его научная личность определяет его совершенную научную объективность. Наука для науки, как искусство для искусства. Только в такой обстановке они могут быть настоящей наукой и настоящим искусством, создавать настоящие культурные ценности. А.Н. был творцом таких культурных ценностей»¹⁷. Нет необходимости говорить о том, что подобная позиция, отстаивание идеи «науки для науки» вызывала резкие нападки со стороны марксистской историографии¹⁸.

М.Н.Покровский в своей работе «Борьба классов и русская историческая литература» раскрывает и марксистский подход к понятию «историческая наука». Для

¹⁵ Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 292.

¹⁶ Там же. С. 293.

¹⁷ Петрушевский Д.М. Памяти А.Н.Савина // Памяти Александра Николаевича Савина. Сб. ст. Вып. I. С. 18.

¹⁸ См., напр., Л.М. Труды Института Истории. Всеобщая история. // Историк-марксист. 1927. Т. 5. С. 210.

него понятие «научности» с полным правом может принадлежать только марксистским концепциям¹⁹. Этот принципиальный для историка-марксиста подход был сохранен на протяжении всех 1920-х годов. В 1928 году П.Горин в статье посвященной юбилею Покровского писал о научном только как о марксистском исследовании, прямо отмечая «подлинно марксистское, а тем самым подлинно-научное изучение»²⁰.

Близость к марксизму или к отдельным элементам его исторической концепции служит критерием для определения степени научности того или иного направления исторических исследований. Отрицая что-либо общее между марксизмом и взглядами М.Н.Карамзина, Покровский относит его творчество к донаучному, публицистическому периоду. «То, что пойдет дальше,- считает он,- будет иметь больше отношения к науке, поскольку у этого дальнейшего и у нас есть общий корень»²¹.

Поскольку источниками марксизма признавались гегелевская диалектика и материалистические учения, то и определение научности тех или иных исторических школ шло по линии соотнесения с диалектикой Гегеля и подходами к материалистическому пониманию истории. «Гегелевская школа в родстве с марксизмом»²²,- заявлял Покровский. Эти «родственные» отношения и были определяющим критерием отнесения к «научности». Давая историографическую оценку творчеству Б.Н.Чичерина, Покровский демонстрирует применение этого критерия: «Чичерин знал, что такое диалектика, Чичерин оперировал со схемой Гегеля и постольку он стоит до известной степени на научной почве»²³. И когда в конце 20-х годов давалась оценка творчеству самого Покровского в связи с его юбилеем, то не в последнюю очередь отмечалось применение им диалектики, без которого не мыслилось научное исследование. «Диалектический метод, которым пользуется М.Н.Покровский,- писал П.Горин,- дал ему возможность научно изучить это сравнительно недалекое прошлое»²⁴.

Но какие бы «родственные чувства» не испытывали марксисты по отношению к гегельянцам, но настоящей исторической наукой они считали только

¹⁹ См., напр.: *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. I. С. 41.

²⁰ *Горин П.* М.Н.Покровский как историк первой русской революции. // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 34.

²¹ *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. I. С. 29.

²² Там же. С. 29.

²³ Там же. С. 41.

²⁴ *Горин П.* М.Н. Покровский как историк первой русской революции // Историк-марксист. 1928. Т.9. С. 57.

материалистическую науку²⁵. Покровский прямо указывал, что «из всех философов истории на наиболее научной точке зрения всегда стояли материалисты»²⁶.

Подобные взгляды были положены марксистскими историками 1920-х годов в основу оценки научной значимости трудов предшествующих историков. Говоря о представителях мелкобуржуазного течения в русской исторической литературе, наряду с А.П.Щаповым, М.Н.Покровский выделяет Н.И.Костомарова. «Научная цена всех этих писаний невелика, общие исторические взгляды Костомарова отмечены тем же расплывчатым идеализмом, как вообще все мирозерцание интеллигенции, для которой он одно время был едва ли не самым любимым историком»²⁷.

Подобный критерий историография 20-х годов применяла и в отношении современных ей авторов. В уже упоминавшемся историографическом обзоре С.М.Моносова дается оценка исследованию Я.М.Захера «Очерки по истории бешеных эпохи Великой Французской революции». Признавая, что данная работа «не является самостоятельным, основанным на изучении источников исследованием», С.М.Моносов подчеркивает ее «самостоятельность» «в части, касающейся выводов, оценок и подведения под идеологию бешеных классового фундамента»²⁸.

И подобный подход не был случаен для историков-марксистов 1920-х годов: они особенно высоко ставили мировоззренческие аспекты исторических исследований. Сопоставляя роль мировоззрения в научной деятельности исследователя в области естественных наук и историка, И.Минц считал, что «если у естественника отбросить мировоззрение, то останется специалист». В отношении историка ситуация складывалась противоположным образом. «Для историка же его научную сущность, – писал он, – составляет мировоззрение. Без мировоззрения историк – ничто»²⁹. Но справедливости ради необходимо отметить, что подход Минца не означал нигилистического отношения к методологии, применительно к естественным наукам. Раскрывая кризисные явления буржуазной исторической науки, он уточнял свою позицию: «За буржуазными историками, да и то в лучшем случае, осталось собирание фактических данных, но одни факты нигде еще не составляют науки: и в химии, и в физике, как в истории, науку составляет тот метод, при помощи которого объясняют

²⁵ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. I. С. 41.

²⁶ Там же. С. 46.

²⁷ Покровский М.Н. Ук. соч. С. 115.

²⁸ Историк-марксист. 1926. Т.1. С. 294.

²⁹ Минц И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 88.

факты»³⁰. Марксистский метод, по мнению историков 1920-х гг., в полной мере соответствовал науке.

В связи с этим необходимо отметить, что характерной особенностью марксистских историографических оценок середины 1920-х годов, признающими марксизм единственно допустимым в науке, является характеристика иных концептуальных подходов как неверных и субъективных. Примером этому может служить рецензия П.О.Горина на вышедший в 1926 году XII том исследования Н.А.Рожкова «Русская история в сравнительно-историческом освещении». Приветствуя «самую мысль о сравнительно-историческом изучении»³¹, П.О.Горин основную часть рецензии посвятил критике позиции Н.А.Рожкова в освещении истории России XX века. При этом наиболее распространенными характеристиками концепций «Русской истории» Н.А.Рожкова были «объективно неправильный взгляд», «неправильное понимание», «неверное освещение» и т.п.³² С чем связана столь негативная оценка труда Н.А.Рожкова? Прежде всего с расхождением его взглядов с господствующей в этот момент концепцией российской истории начала XX века, признававшейся «марксистской», а следовательно, единственно верной.

Отрицание допустимости поликонцептуальности в историографии и служило основой характеристики иных позиций (по сравнению с господствующими взглядами) как «неправильных». Тем более, если эти взгляды расходились с партийными установками. Говоря о «неправильности» подхода Н.А.Рожкова к оценке роли буржуазии в революции 1905–1907 гг., П.О.Горин отмечал, что «роль буржуазии в первой революции была ясна для большевиков задолго до октябрьской забастовки, и странно, двадцать лет спустя и имея опыт двух революций, заявлять, как это делает Н.А.Рожков»³³. Неприемлемым для господствующих взглядов было и отсутствие оценки революции 1917 г. как революции социалистической³⁴. Историографическая концепция, признающая возможность и необходимость выработки единственно верной исторической картины, соответствующей партийным установкам большевиков, занимает в 1920-е годы господствующее положение в советской историографии.

Отождествление понятий «марксистская концепция» и «единственно верная концепция», характерное для марксистской историографии 1920-х годов, вызывало

³⁰ Там же. С. 90.

³¹ Историк-марксист. 1926. Т. 2. С. 271.

³² Там же. С. 272-274.

³³ Историк-марксист. 1926. Т. 2. С. 272.

³⁴ Там же. С. 273-274.

резко отрицательные оценки существования в партийной среде различных взглядов на сущность революции 1917 года в России. Наличие таких взглядов отмечалось в докладе М.Н.Покровского на заседании Общества историков-марксистов 5 ноября 1926 г.³⁵ Критикуя концепцию Октября как «пределной буржуазной революции», он считал ее «сто процентным ревизионизмом». «Сто процентным народничеством» он объявлял попытки охарактеризовать развернувшиеся в России социальные процессы как наличие двух видов социализма: «есть пролетарский, опирающийся на крупное производство, и есть крестьянский, растущий из мелкого производства»³⁶. Тем самым, отрицалась возможность поликонцептуального подхода в марксистской историографии.

В практике историографического анализа 1920-х годов понимание марксистского учения как единственно верного методологического подхода к разрешению исторических проблем вылилось в определение критериев научной оценки тех или иных теорий. «Их достоинство,- отмечал Э. Газганов,- определяется общим для всякого научного познания критерием: соответствием объективной действительности»³⁷. Признавая данный критерий в качестве «последнего» аргумента в оценке научных взглядов, Э. Газганов отмечает и то, что «для марксиста одним из важнейших критериев всякой теории является ее соответствие известным, а priori для данного исследования правильным «догмам» методологии»³⁸. Вопрос лишь стоял в определении «корзины» догм, используемых в качестве таких критериев. Не отрицалось в качестве доказательства соответствия теории объективной действительности использование ее прогностических возможностей. Н.Рубинштейн писал в этой связи: «Объяснение явлений не исчерпывает исторической схемы, последняя проверяется также и правильностью научного прогноза, сделанного историком»³⁹. В статье, посвященной юбилею Покровского, Рубинштейн приводит целый ряд примеров того, как оправдались «с буквальной точностью» целый ряд прогнозов Покровского в области внешней политики⁴⁰.

Сведение марксизма к единственному научному учению и ограниченность применения понятия «научности» к немарксистским концепциям вело к изоляции марксизма от развития других направлений научной мысли и, следовательно, к его догматизации. Эта негативная для развития марксистской науки тенденция вполне

³⁵ Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 57.

³⁶ Там же.

³⁷ Газганов Э. Исторические взгляды Г.В.Плеханова // Историк-марксист. 1928. Т.7. С.73.

³⁸ Там же.

³⁹ Рубинштейн Н. М.Н.Покровский - историк внешней политики. // Историк-марксист. 1928. Т.9. С.76.

⁴⁰ Там же. С.77.

осознавалась в 1920-е годы. О ней много писалось в зарубежной печати. И. Минц, рассказывая о VI международном конгрессе историков в Норвегии, отмечал два характерных зарубежных представления о положении науки в Советском Союзе, называемых им «предрассудками». Во-первых, речь шла о том, что в СССР «уничтожена буржуазная историческая наука и механически подавляются инакомыслящие», во-вторых, что «истории у нас не существует, а остатки ее служат лишь целям «пропаганды» нового режима»⁴¹. О бытовавших за рубежом представлениях о положении исторической науки в СССР можно судить и по довольно большому отрывку из интервью М.И. Ростовцева, приведенном И. Минцем в его статье. Критика Ростовцева велась по следующим основным направлениям: государственное преследование научного инакомыслия (высылка из страны ученых на «философском» пароходе), подгонка историками фактического материала под требования марксизма, утверждения марксистов об обретении ими научной истины и отношение к марксизму как к теологии, а не науке⁴². И хотя по форме высказывания Ростовцева и вызывали протест, но нельзя не согласиться с тем, что отмеченные им тенденции имелись в марксистской исторической науке 1920-х годов и проявились достаточно определенно в следующем десятилетии. В конце 1920-х годов они еще не были столь всеобъемлющими. А потому противопоставленный И. Минцем тезис, что «являясь господствующим течением в науке, марксизм отнюдь не подавляет другие точки зрения»⁴³, еще можно было проиллюстрировать примерами: участие М.К. Любавского («который остался ректором университета, когда из него ушли даже кадеты») летом 1928 г. в мероприятиях исторической недели в Берлине, издание в Москве антимарксистских книг Д.М. Петрушевского и М.И. Ростовцева и т.п.⁴⁴.

Вместе с тем в 1920-е годы сохранялись выработанные ранее научные принципы исторических исследований, что нашло свое отражение в историографических оценках тех лет. Примером может служить анализ Ю.М. Бочарова изданных к двадцатилетию революции 1905–1907 гг. календарей-хроник. Сравнивая юбилейные публикации этого типа и отмечая их вспомогательный характер для исследователя революционной истории, Ю.М. Бочаров выделил несколько требований к научному уровню подобных работ. К их числу относились надежность источников, на основе которых выделялись

⁴¹ Минц И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 89.

⁴² См.: Минц И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т.9. С. 91-92.

⁴³ Там же. С. 88.

⁴⁴ Там же. С. 88, 92.

события, документированная ссылка на эти источники с указанием на имеющиеся разночтения, определение критериев включения в хронику событий, приложение аннотированной библиографии⁴⁵. Хорошее знание источников сохранялось в качестве требования к научности исторических исследований в 1920-е годы. В заключении к своему исследованию о Жоресе как историке Французской революции С.Д.Куниский особо отметил качество источниковой базы и степень проработанности исторических источников. «Жорес обработал огромный материал,- писал он,- значительную часть которого он втиснул в свой труд. Он проявил большую эрудицию, тонкое знание всех источников и умело использовал их»⁴⁶. Но хорошее знание источников не гарантирует, по его мнению, соответствующее исторической действительности изображение событий, поскольку «история, это – отнюдь не фотография»⁴⁷. Наоборот, по мнению историков-марксистов 1920-х годов, истинная теория может привести к познанию истины и без достаточной источниковой базы. Об этом писал, в частности, Н. Рубинштейн, раскрывая значение творчества Покровского для изучения истории внешней политики. «Гораздо интереснее,- писал он,- остановиться на тех выводах, к которым пришел М.Н.Покровский, не зная архивов, и которые были потом блестяще подтверждены документальным материалом»⁴⁸. Этот примат теории над источниковой базой получил в дальнейшем значительное развитие в исторической науке.

Тем не менее отечественными историками 1920-х годов ввод новых архивных материалов в научный оборот рассматривался как одна из составляющих понятия научности. И. Звавич, автор историографического обзора литературы по проблемам британской внешней политики⁴⁹, анализируя концепции трехтомной «Кембриджской истории британской внешней политики», изданной под редакцией Уорда и Гуча в 1922–1923 гг., считал более ценными с научной точки зрения первые тома этого издания, поскольку они основаны не только на опубликованных источниках, но и на архивных материалах⁵⁰.

Требовательность к источниковой базе исторических исследований естественно нашла свое отражение в историографических оценках документальных публикаций. При этом зачастую несмотря на распространенную классовую риторику в отношении зарубежных некоммунистических изданий в историографии середины 1920-х годов

⁴⁵ Историк-марксист. 1926. Т.1. С.307-311.

⁴⁶ Историк-марксист. 1927. Т.4. С.124.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Рубинштейн Н. М.Н.Покровский - историк внешней политики // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 69.

⁴⁹ Историк-марксист. 1926. Т. 2. С. 250-257.

⁵⁰ Историк-марксист. 1926. Т. 2. С. 253.

сохранилось уважительное отношение к квалифицированному труду своих коллег за рубежом. Примером этому может служить оценка изданных в 1924 году в Париже протоколов Парижской Коммуны 1871 года. В приведенном достаточно большом отрывке из литературного обзора О.Л. Вайнштейна отразилось понимание критериев научности при публикации исторических документов. «Согласно требованиям строгого научного издания,- пишет О.Л.Вайнштейн о работе издателей протоколов Коммуны 1871 года,- они дают в обстоятельном введении тщательное описание рукописи, знакомят нас с условиями ее возникновения и с ее судьбою после гибели Коммуны. Не довольствуясь изданием оригинального текста, они дополняют его и сопоставляют с другими вариантами протоколов, известными из печатных источников. Вслед за протоколом каждого заседания, они помещают: 1) «Акты» Коммуны, т.е. декреты, постановления и резолюции, выносившиеся на этих заседаниях, и 2) «Приложения», в которых нашли себе место всякого рода документы, поступавшие в Коммуну и служившие материалом для обсуждений, основаниями для постановлений и т.п. Они снабдили, наконец, текст безукоризненно сделанными примечаниями, позволяющими историку ориентироваться среди множества фактов, вещей и лиц, прямо или косвенно упоминаемых в протоколах. Ценность этой работы увеличивается еще благодаря тому, что издатели нигде не воспользовались случаем навязать свою точку зрения, дать какую-нибудь оценку или одностороннее освещение того или иного вопроса. Их примечания – это **реальный комментарий** и ничего больше»⁵¹. Это издание автор рецензии называет «образцом для издания любых первоклассных исторических памятников»⁵². Научная добросовестность на практике вытесняла в историографических оценках доктринальные установки классовости. Выработанное мировой историографической мыслью в течение предшествовавших десятилетий понимание научности продолжало в середине 1920-х годы служить базисом историографических подходов.

Е.А.Косминский в обзоре отечественной и зарубежной литературы по проблемам аграрной истории Англии не только подчеркивает значение совершенствования источниковой базы для развития науки, но и методов работы в связи с качественно новым характером источников. «Все больше и больше проводится требование точного научного метода,- отмечает он,- с этим связывается привлечение массового и

⁵¹ Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 301.

⁵² Там же.

критически проверенного материала и широкое применение статистических приемов»⁵³.

Но при этом необходимо отметить, что марксистское требование к научным работам 1920-х годов включало в себя два основных компонента: наличие исследовательской части, опирающейся на глубокую проработку источников (прежде всего архивных), и общесоциологической. При этом исследовательский момент рассматривался средством для решения общесоциологических проблем. В «Обзоре литературы о Парижской Коммуне за последние 2 года» С.Д. Куниский критикует авторов, абсолютизирующих один из этих моментов. Особо он выделяет тот недостаток работ, «когда исследовательский момент из средства превращается в цель и совершенно вытесняет ту общеполитическую и широкосоциологическую установку, которая должна быть главным стимулом при изучении Коммуны у всякого революционера и марксиста»⁵⁴. На примере анализа работы Ж. Бурдена «История Коммуны»⁵⁵, он показывает, что абсолютизация исследовательского момента ведет к тому недостатку, что этот труд оказывается «насквозь проникнут «объективностью» самого худшего сорта», когда автор «старается выдержать общепринятый в кругах буржуазной науки тон беспристрастного, внепартийного историка»⁵⁶.

Весенний 1928 г. диспут в Обществе историков-марксистов по книге Д.М.Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы» высветил понимание научности в марксистской среде конца 1920-х годов. Исходный посыл в освещении этого вопроса не претерпел существенных изменений на протяжении третьего десятилетия XX века – марксизм продолжал рассматриваться наиболее достойным наименования «наука». «Марксизм...,- отмечал в ходе диспута П.И.Кушнер,- наиболее научная, наиболее считающаяся с фактами теория»⁵⁷. При этом в научности марксизма виделась основа и для правильности политических выводов. Как отмечал в ходе диспута Ц.Фридлянд, «марксизм не есть, вообще говоря, политическая теория, а это есть не что иное, как единственное и последнее слово подлинной науки, а что расходится с марксизмом, расходится с наукой в ее высших достижениях»⁵⁸.

⁵³ Историк-марксист. 1926. Т. 2. С. 258.

⁵⁴ Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 196.

⁵⁵ Бурден Ж. История Коммуны. Л., 1926.

⁵⁶ Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 196.

⁵⁷ Диспут о книге Д.М.Петрушевского // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 112.

⁵⁸ Там же. С. 126.

Рассматривая марксизм в качестве «единственной подлинно-научной теории»⁵⁹, историки-марксисты давали соответствующие оценки иным воззрениям, представленным в исторической науке. Иначе говоря, однозначное объявление марксистской теории единственно научной требовало пересмотра вопроса о возможности и допустимости иных подходов в науке, вопроса о плюрализме научных теорий.

Критикуя на примере позиции Петрушевского сторонников плюрализма в науке, С.С.Кривцов таким образом раскрывал характеристику этого понятия: «Для проф. Петрушевского,- указывал он,- совершенно одинаково законна всякая, любая точка зрения, т.е. плюрализм. Возможна и множественность взглядов – плюрализм, – множественность типов, множественность идеально-типового построения истории, к которой мы должны подгонять объективную действительность, и это не только не плохо, – этот плюрализм, – но, наоборот, по мнению проф.Петрушевского, очень хорошо»⁶⁰. Подобный подход был неприемлем для историка-марксиста. Кривцов, разбирая далее подход Петрушевского, разъяснял: «Он сам говорит, что эта идеальная конструкция есть ни что иное, как утопия, и совершенно закономерно, по его мнению, существует множественность этих утопий. Спрашивается, почему мы одну утопию проф. Петрушевского должны предпочесть «утопии» марксизма, я не вижу никакой методологической установки. Они одинаково приемлемы с его точки зрения – и та и другая: может быть даже до бесконечности этих утопий. А раз так, то никакой науки быть не может»⁶¹. Этими словами Кривцов сформулировал одну из основ марксистского понимания научности – отрицание возможности иных теоретических подходов к научному исследованию действительности. Тем самым формировался механизм догматизации марксистской методологии, отрицающий допустимость и возможность познания действительности с иных теоретических позиций, априорно отрицающий научность иных методологических подходов. Абсолютизация единственной научной методологии вела на практике к стагнации науки, к утере ею познавательных возможностей.

Атака на плюрализм научных подходов сопровождалась новым обращением внимания на проблему соотношения объективности научного исследования и аполитической позиции историка. Свою зрения по этому вопросу в ходе диспута изложил В.Д.Аптекарь, высказавший категорическое несогласие с тем мнением, что

⁵⁹ Там же. С. 128.

⁶⁰ Там же. С. 81.

⁶¹ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 83.

«может существовать в исходе третьего десятилетия XX века историк, который совершенно оторван от объективной действительности и нисколько не связан с политической жизнью, который носится исключительно в эмпириях чистого знания, в поисках абсолютной истины»⁶². Совершенно иной подход прозвучал в выступлении А.И. Неусыхина. Как историк-марксист, он подтвердил общетеоретические положения, что всякая наука является частью идеологии, что в классовом обществе идеология является классовой, но указав на сложность отношений между базисом и надстройкой, он высказал ту точку зрения, что «когда мы изучаем какое-либо явление действительности, то мы можем и должны изучать его **объективно** в том смысле, что мы **субъективно** должны отвлечься от тех элементов нашего общего мировоззрения, которые могут быть привнесены в самый процесс изучения»⁶³. Это относится прежде всего к добросовестной и объективной разработке источникового материала, не допускающей даже «задаваться вопросом: а не противоречит ли это марксизму, и если противоречит, то не отвергнуть ли неудобные указания источника?»⁶⁴. Тем самым, проблема объективности научного творчества историка стала одним из узловых моментов эволюции марксистского понимания научности, вызвав в конце 20-х годов неоднозначные решения среди историков-марксистов.

Расхождения в понимании научности среди марксистов касались и вопросов понимания кризиса в науке, соотношения процессов развития западноевропейской и отечественной исторической науки и ряда других. В ходе обсуждения книги Д.М.Петрушевского была высказана та точка зрения, что работа «воплощает в себе современное состояние западноевропейской буржуазной науки в области средневековья»⁶⁵. А.Д.Удальцов в связи с этим отмечал, что «книга стоит совершенно вне всех тех споров, всех тех дискуссий, всех тех интересов, которыми живет наша современная русская марксистская наука»⁶⁶. Этот факт адекватности работы Петрушевского западноевропейской научной школе (как отмечал Удальцов, «книга является продуктом западноевропейского научного развития»⁶⁷) вызывал стремление историков-марксистов «преодолеть ее», т.е., как разъяснял Удальцов, «с одной стороны, обострить на ней свой собственный марксистский метод, а с другой стороны, – противопоставить этому конкретному историческому исследованию ряд наших

⁶² Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 116.

⁶³ Там же. С. 125.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 95.

⁶⁶ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 95.

⁶⁷ Там же. С. 99, а также с. 96.

конкретных исторических исследований»⁶⁸. Вместе с тем, ряд марксистских историков в ходе дискуссии о книге Петрушевского высказывали и иные подходы. Е.А.Косминский, признавая, что «эта книга представляет собой действительно в смысле науки средневековой истории последнее слово того, что достигнуто сейчас на Западе в смысле фактической разработки вопроса, в смысле раскрытия нового материала»⁶⁹, отрицал ее антимарксистскую направленность. Все это свидетельствует о том, что классовый подход в понимании научности, фактически стиравший грань между западноевропейской и отечественной немарксистской исторической наукой, еще не приобрел абсолютного господства, хотя эта позиция с течением времени получала все большее число адептов среди историков-марксистов.

Расхождения среди историков-марксистов произошли и по вопросу о сущности признаваемого ими кризиса западноевропейской исторической науки. Ряд историков видели ее в «общем кризисе методологии истории»⁷⁰. Ц. Фридлянд, разбирая вопрос о кризисе науки, указывает на подход Трельча, согласно которому «послевоенная эпоха породила колоссальный кризис основ **исторического** мышления. Этот кризис исторической науки, по мнению Трельча, есть борьба между Марксом, с одной стороны, и Ницше, с другой. Это два «логических» стиля исторической науки»⁷¹. На неудовлетворенность ряда представителей западноевропейской исторической науки «ползучим эмпиризмом» и поиски ими научной методологии указывал и А.Д.Удальцов⁷².

В тоже время Е.А.Косминский видел кризис науки в несколько иных явлениях. Он говорит в связи с книгой Петрушевского лишь о кризисе в науке о средневековье под напором новых фактов. «Целый ряд конструкций, которые еще сравнительно недавно казались действительно незыблемыми, которые давали общую, стройную законченную картину средневекового развития, уже в настоящее время не удовлетворяет исследователей»⁷³. Он говорит о процессе разложения старой концепции и попытках построить новую, что и характеризуется им как кризис в конкретной исторической науке.

Таким образом, анализируя материалы диспута в Обществе историков-марксистов о книге Д.М. Петрушевского в связи с пониманием принципа научности необходимо

⁶⁸ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 99.

⁶⁹ Там же. С. 91.

⁷⁰ Там же. С. 86.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 95.

⁷³ Там же. С. 91.

отметить наличие двух течений среди историков-марксистов, различавшихся степенью воинственности в отстаивании своих теоретических убеждений, – умеренного и радикального. Сторонники радикального направления (Ц. Фридлянд, С.С. Кривцов, П.И. Кушнер, В.Д. Аптекарь и др.) веровали в единственность марксизма как научной методологии, отрицали методологический плюрализм, возможность объективной позиции историка, видели кризис западноевропейской науки в кризисе ее методологических основ. Сторонники умеренного направления (А.И. Неусыхин, Е.А. Косминский) допускали сосуществование различных методологических подходов в науке, считали необходимым очистить процесс изучения от мировоззренческих привнесений, видели в росте фактического материала основу кризиса конкретных исторических наук.

Но отмеченные выше расхождения не препятствовали выработке историками-марксистами неких требований к научной критике исторического исследования. На примере оценок книги Д.М.Петрушевского возможно представить тот набор критериев научности, который сложился в историографии второй половины 20-х годов. Воинственный напор радикалов в ходе диспута вынудил сторонников умеренного направления выдвинуть в качестве защитной реакции требование объективного подхода к рассматриваемой работе. «Для того, чтобы ее оценить, – отмечал Е.А. Косминский, – нужно, прежде всего, установить точки зрения самой книжки, надо выявить точно, в каком смысле даны те или иные утверждения, что в данном случае хотел высказать автор, а не навязывать автору ту мысль и ту тенденцию, которой у него на самом деле не было»⁷⁴. Имманентный характер научной критики подчеркивал и А.И. Неусыхин: «Критика всякой теории прежде всего должна быть имманентна, т.е. должна понять эту теорию изнутри и затем уже преодолеть ее соответствующим образом»⁷⁵. Объективность критики включает в себя и требование целостности рассмотрения разбираемой концепции, не допускающее выхватывания отдельных аспектов, удобных для критики»⁷⁶.

Система историографических критериев научности включала в себя и требование внутренней непротиворечивости исследования. Недопустимо, когда «одни части, одни страницы этой книги полемизируют с другими страницами, находятся с ними в противоречии»⁷⁷. Но когда речь идет об историческом произведении критика, как

⁷⁴ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 90.

⁷⁵ Там же. С. 99.

⁷⁶ Там же. С. 101.

⁷⁷ Там же. С. 98.

отмечал А.И. Неусыхин, «не ограничивается вскрытием чисто формальных внутренних логических противоречий самой концепции, но пытается указать, как эти противоречия будут выглядеть, если разобрать их применительно к конкретному материалу источников»⁷⁸. Марксистская критика может включать и социологический анализ теории и «сведение ее к определенному базису»⁷⁹.

Важнейшей частью историографической оценки, по мнению ряда историков, выступает определение вклада рецензируемого исследования в науку, оценка того нового, что вносит исследование в научную картину мира⁸⁰. Чрезвычайно важным было соотнесение результатов исследования с последними достижениями этой конкретной исторической науки или смежных наук, таких как этнология, археология и др.⁸¹.

Таким образом, отмечаемые в ходе дискуссии критерии научности исторического исследования во многом базировались на сложившихся к этому времени в мировой науке понимании. Общетеоретические установки сторонников радикального направления в понимании научности еще не вытеснили представлений о критериях научности, сложившихся в домарксистской историографии.

В силовом поле марксизма видоизменялось установленное ранее понятие научности. Объективность исторического познания, традиционно рассматривавшаяся синонимом научности, ставится под сомнение в качестве исследовательского принципа. Признание классового характера науки неизбежно вело к отождествлению объективности с пролетарской позицией. Стремление к объективному подходу в исследовании со стороны немарксистов третировалось как «буржуазный объективизм». Справедливо отмечая влияние социальных условий на творчество историка, марксистский подход абсолютизирует его, создавая тем самым теоретические основы для оправдания вмешательства партийно-государственных институтов «пролетарской власти» в творческий научный процесс и изоляции отечественной науки от процессов развития мировой историографии.

Вместе с тем, необходимо отметить, что негативные тенденции в марксистской историографии в 1920-е годы еще не нашли своего полного выражения, поскольку, во-первых, сама марксистская наука находилась в стадии становления и догматизация ее методологии лишь только намечалась, а во-вторых, ею еще не было достигнуто

⁷⁸ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 99, см. также С. 110.

⁷⁹ Там же. С. 99.

⁸⁰ Там же. С. 90, 92, 93 и др.

⁸¹ Там же. С. 108, 109, 116, 117, 119 и др.

монопольное положение, и она испытывала определенное воздействие академической науки.

Влияние, оказываемое традиционными подходами на развитие марксистского направления науки, заключалось в том, что, во-первых, марксизм признавал достижения предшествующей исторической мысли в области источниковедения и введения нового фактического материала в научный оборот; во-вторых, формируя методологическую базу исторических исследований, марксизм опирался на опыт своих научных предшественников, особенно в вопросах методов конкретноисторических исследований. И наконец, необходимо отметить, что как традиционные, так и марксистский походы имели общие корни в развитии европейской общественной мысли нового времени. В свою очередь, немарксистские направления исторической мысли также испытывали на себе влияние историко-материалистического подхода в познании прошлого человечества. Как не раз отмечалось в историографических исследованиях, это влияние испытали на себе даже историки дореволюционного поколения.

Каждое поколение исследователей, обращаясь к проблемам развития отечественной историографии в 1920-е годы, без сомнения найдет для себя ценный опыт и извлечет актуальные для своего времени уроки. В большой степени это относится к современному поколению историков, переживающему крутую смену теоретико-концептуальных основ своей исследовательской деятельности. Казалось бы, мы повторяем путь 1920-х годов, только с обратным знаком: от политической заданности – к свободе научного творчества, от единственно разрешенного методологического подхода – к плюрализму теоретико-концептуальных построений, от национальной изолированности науки – к включенности в мировой обмен исследовательскими достижениями и т.п. Но несмотря на эти видимые противоположности, новые полюса которых грозят обернуться очередным болезненно переживаемым мифом, целый ряд теоретико-концептуальных проблем, ясно поставленных в 1920-е годы, сохранили свою актуальность и для сегодняшнего дня. К их числу следует отнести формирование концепции процесса мирового исторического познания, создание устойчивого механизма научных инноваций, обеспечивающего успешное преодоление кризисных явлений в науке, и целый ряд других теоретико-концептуальных вопросов.

Список литературы:

1. *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.
2. *Брачев В.С.* Служители исторической науки. СПб., 2010.
3. *Газганов Э.* Исторические взгляды Г.В.Плеханова // Историк-марксист. Т. 7. 1928. С. 69–116.
4. *Горин П. М. Н.* Покровский как историк первой русской революции // Историк-марксист. Т. 9. 1928. С. 34–57.
5. Диспут о книге Д.М. Петрушевского (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке) // Историк-марксист. Т. 8. 1928. С. 79–128.
6. *Дубровский А. М.* Историк и власть. Брянск, 2005.
7. *Историки России. Биографии.* М., 2001.
8. *Куниский С. Д.* Жорес – историк // Историк – марксист. Т. 2. 1926. С. 140–158; Т. 3. 1927. С. 117–151; Т. 4. 1927. С. 101–124.
9. *Леонтьева О.Б.* Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара, 2004.
10. *Миц И.И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. Т. 9. 1928. С. 84–96.
11. *Петрушевский Д. М.* Памяти А.Н.Савина // Памяти Александра Николаевича Савина. Сб. ст. Вып. I. М., 1926. С. 5–18.
12. *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. (Историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. I–II. М.; Л., 1933.
13. *Портреты историков: Время и судьбы.* Т. I. М.; Иерусалим, 2000.
14. *Рубинштейн Н. М. Н.* Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. Т. 9. 1928. С. 58–78.
15. *Сидорова Л.А.* «Руководящая цитата» в советской исторической науке середины XX в. // История и историки. 2006. *Историографический вестник.* М., 2007. С. 135–171.
16. *Смирнова М.И., Дмитриева И.А.* Социокультурные истоки сталинизма: историографический дискурс // *Историография сталинизма.* Сб. ст. М., 2007. С. 7–28.